Е.В. Головацкий

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ: ИНИЦИАТИВЫ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА*

Исследователи выделяют различные по хронологии, но близкие в контекстуальном смысле периоды политических нововведений, характеризуют условия социально-политического взаимодействия в обществе как повторяющиеся, сменяемые наборы схем и средств общения людей. Политические нововведения в этом наборе играют далеко не последнюю роль и зачастую определяют правила социально-политического взаимодействия на длительные периоды.

Изучение политических нововведений началось давно. Можно назвать имена выдающихся мыслителей древности школы софистов, Платона, Аристотеля, Цицерона и др. Нововведения от Бога – контекст социально-политического взаимодействия в период средневековья. Социально-философский аспект этой эпохи подчеркивает способность повторять этапы социально-политического взаимодействия (схоластические практики). Эпоха Возрождения в европейской социальной науке вносит элемент человеческой несуразности в организацию социально-политических процессов, элемент бунтарства духа и тела. В науках о человеке и обществе с момента их основания спорадически актуализируется проблема существования и освоения нового. Новое время в истории санкционировало структурную зависимость и одновременно упорядоченность действий человека от действий других: появляется некоторый элемент общества как социальной системы, не случайно возникает понятие «конвейер».

Интересны работы социальных утопистов в области формирования альтернативных вариантов общественного развития, компонентов политических нововведений снизу, вопреки устоявшимся общественным традициям.

С появлением социологической науки можно говорить об изучении процессов социально-политического взаимодействия, фор-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-762.2007.6.

мирования политических нововведений в социальной среде в качестве вариативной модели общественно-политического развития.

Еще социологи-основатели ставили перед обществом вопросы о целесообразности тех или иных действий правителей (власти) и возможных путях их направления. На этом этапе социологи не предлагали изучать механизм политических нововведений, их социальную направленность и функции, источники нововведений, их носителей.

О. Конт (1798–1857) в своей позитивной социологии отмечал социальную природу существующей власти, определил пространство изучения политических нововведений, подчеркивал зависимость принятия политических решений от правителей и коммерции как элемента встраивания в общество всех участников взаимодействия на общих выгодных основаниях. Он предположил, что благодаря развитию коммерческих отношений в обозримом будущем будут разрешаться важные геополитических проблемы, военные и международные конфликты.

Г. Спенсер (1820–1903), в рамках органического подхода к обществу и человеческой природе, выделял политическое общество в отдельный срез социальных отношений. Принцип аналогии животного сообщества и человечества позволил рассматривать политические нововведения в качестве сложно структурированной цепочки схем, актов, участников, в результате деятельности которых появляется новый «социальный организм», как правило, вследствие отмирания, замещения «старого».

Французский социолог классического периода Э. Дюркгейм (1858–1917) для прояснения природы политических нововведений добавил содержательную, структурную сторону. Он предложил рассматривать «социальные факты – как вещи…», операционализируя тем самым социальные и политические сферы в бытийственном (может быть) и фактологическом (есть, существует в настоящее время) состояниях. Существовавшая до этого в философской науке дихотомия получила новое развитие в социологии и применительно к политическим нововведениям показала двойственную природу нововведений.

Марксистская социологическая концепция придала политическим нововведениям элемент уникальности с установками количественного перехода на новый качественный уровень социально-экономических отношений. К. Маркс (1818–1883) и Ф. Энгельс (1820–1895) изучили материальную основу социальных измене-

ний, элементы тиражирования, повторяемости социальных нововведений и пр.

С момента зарождения метафизики, на этапе «предсоциологии», а также в рамках классического этапа истории социологии разработаны варианты восприятия нововведений. Новое – сумма восприятий со всеми вытекающими отсюда сложностями и проблемами: восприятия, осознания, понимания. Возникает целый ряд подходов к определению понятия «новое» в человеческой и общественной жизни. Новое – как плод освобожденного бессознательного (индивидуального или коллективного по З. Фрейду, К. Юнгу) Новое – как другое, как мир идей, чувств и контекстов (Ю. Хабермас). Новое может представать в качестве симуляции, новой альтернативы (Ж. Бодрийяр). Интересными с точки зрения общественного восприятия нового могут выглядеть соотношение «нового» и социальных моделей общественного взаимодействия Р. Мертона.

Теоретические и прикладные аспекты, посвященные политическим нововведениям, изучались такими видными зарубежными социологами, как П. Бергер, Ж. Бодрийяр, П. Бурдье, М. Вебер, А. Верба, В. Зомбарт, Т. Лукман, Ч. Миллс, Т. Парсонс, Г. Тард, Ю. Хабермас, А. Щюц и др.

Революцию в качестве аспекта нового социально-политического развития с различных позиций рассматривали В.И. Ленин, П.Н. Милюков, П.А. Сорокин.

Идеи нового обозначились в науке и общественной жизни 1960–1970-х гг. как отражение кризиса модерновой культуры. Появился усиленный поиск нового пути развития общества, разнообразия новых религиозных течений. Европа увлеклась восточной культурой и религиозными верованиями, стали разрабатываться новые космогонические концепции и социоинженерные проекты будущего общества. Поиски нового коснулись и сферы политики: студенческие волнения, акты неповиновения, митинги и погромы явились индикаторами социальной нестабильности переходного общества. Вариацией решения множества социальных проблем послужило направление, именуемое постмодерном. Выстроились концепции «новой» демократии с его идеей гражданского, открытого, а позднее и виртуального общества.

Политические новшества, подчас незаметные для повседневной жизни, оставляют отпечаток в памяти людей. Еще сравнительно недавно российское общество привыкало к обращению

«господа», которое сегодня присутствует в деловом повседневном обиходе во многом благодаря повседневным коммуникативным практикам и структурациям. Но социальная память хранит и обращение «товарищ», зачастую неосознанно прибегая к обращению «господин», не вкладывая в это обращение аспекты обладания, собственности, владения и т. п.

Политические новшества не склонны менять полярность социально-политического взаимодействия, они способны скорее оттенять характер передаваемой информации в повседневном общении.

Или другой пример многообразия приемов и способов. В дошкольных и общеобразовательных учреждениях детям раздаются флажки (копии государственного флага). Государственная символика тиражируется на элементах одежды, транспортных средствах, строительных ограждениях, значках и пр. В некоторых городах Кемеровской области (Междуреченске, Прокопьевске, Ленинске-Кузнецком) фонарные столбы на ряде примыкающих к центрам городов улиц окрашены в цвета российского флага. Даже высоко в горах на территории Хакасии на расстоянии около 250 км от крупных населенных пунктов в туристических приютах можно встретить российскую государственную символику.

Несмотря на значительный интерес отечественных и зарубежных политологов и социологов, существующий по отношению к вопросам социально-политического взаимодействия, политические инновации в российском обществе, на наш взгляд, изучаются стихийно, от случая к случаю (по сути, от думских выборов к президентским). Исследования носят локальный территориально-административный характер или определяются объемами грантовской поддержки ученых. Ряд инновационных проектов, внедряемых в нынешней политике, имеет сквозной, межрегиональный охват. Тем самым исследование данных процессов, формирующихся из состояния «здесь и сейчас», может послужить качественно новому обобщению научно-исследовательских результатов в изучении политических нововведений.

В социальных науках спорно утверждение, что нововведением является такой социальный продукт, который ранее никогда и нигде не использовался. Общество имеет временную и историко-генетическую протяженность, поэтому некоторые актуальные повторы социально-политического взаимодействия могут происходить по модельным характеристикам нововведений. Объемы и значи-

мость социальных новшеств, осваиваемых обществом, способны стать источником нововведений. Подобное возможно при соблюдении в обществе принципа социально-политической востребованности нововведения с учетом силы непротивления или сопротивления нововведению заинтересованных сторон. Нововведения могут подавляться узурпирующей властью (П.А. Сорокин), либо общественной традицией (М. Вебер), либо конвенцией − «игрой по новым правилам» (Т. Кун).

Состояние транзитивного общества обязывает участников социально-политического взаимодействия учитывать дифференцированные интересы слоев и организаций, включенных в процессы освоения нововведений[1]. Речь идет о возможностях согласования интересов конструктивной оппозиции, власти с учетом настроения абсентеистов в обществе, политически пассивной молодежи и т. д.

Политические нововведения в условиях переходного общества сами способны к транзитивности: политическому участию, конкуренции политических объединений, альтернативным гражданским инициативам, механизмам прозрачного социального контроля и др. Например, и без того сложно фиксируемые показатели социальных ценностей и общественных норм при анализе транзитивных процессов учитывают исходные основания перехода, а также переходные и постпереходные состояния общества.

Рассматриваемые объединения социальных новшеств представляют сложные конфигурации, в чистом виде в обществе не встречающиеся:

− «другое новое» – не познанное субъектом действия и в принципе всем обществом;

− «свое новое» (в смысле новое для себя, интерсубъективное) непознанное;

− «свое новое», но еще не освоенное;

− «другое новое», в принципе не освоенное в обществе;

− «другое новое» − заимствованное (существенная необходимость, нужда);

− «другое новое» навязанное извне;

---

[1] См.: *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учебное пособие. М., 2004. С. 139–141; *Цвылев Р.И.* Социальные трансформации в России. 1992–2004 гг. М., 2005; *Лапкин В.В.* Политические трансформации в России и на Украине в 2004–2006 гг.: причины и возможные последствия // Полис. 2007. № 1. С. 104–119.

− «коллективное новое», не познанное субъектами, группами общества;

− «коллективное новое», не освоенное в практике социально-политического взаимодействия;

− «коллективное новое», навязанное общественным мнением.

Политическая социология исследует и отвергаемые формы, когда нововведения насаждаются в обществе вопреки желаниям и чаяниям основной массы населения (расизм, шовинизм, милитаризм и пр.). В результате могут возникать (искусственные или естественные по своей природе) барьеры освоения нового в обществе.

Известны примеры, когда политические нововведения могут представляться обществу в качестве безальтернативного варианта (приватизация, монетизация льгот, реформа электорального законодательства). Социальные последствия подобных нововведений известны и показывают, что дальнейшее развитие социально-политических процессов в обществе возможно в различных, подчас диаметрально противоположных, направлениях.

Политические нововведения зависимы от развития социально-экономических и материально-технических сфер общества, от его социокультурного потенциала. Следовательно, адаптационные возможности нововведений не равны для различных регионов и территорий. Учитывая специфику транзитивного развития российского общества и государственной системы, Российская Федерация представляет собой показательный пример неравномерности освоения социальных и политических нововведений.

Политические нововведения в России преодолевают, как минимум, три препятствия:

– собственную сложность нововведения;

– реальное действенное давление или противодействие нововведениям (зачастую речь идет не об общем неприятии, а скорее о частной неудовлетворенности социальных групп и индивидов);

– индивидуальный уровень неприятия, «индивидуальную непереносимость» нововведений.

Эти препятствия в социологической науке имеют измеряемые темпоральные характеристики. Имеются методики их измерения, а следовательно, прогнозирования.

Используя методики социального планирования развития территорий и измерения индивидуального уровня тревожности населения по отношению к грядущим изменениям (по факту), социоло-

ги могут получить обобщенную картину освоения политических нововведений. Дополнительно рекомендуем учитывать трансформационный этап общественного развития, геополитические и социально-демографические показатели территории. Исследуя ситуации измерения человеческих ресурсов, Ю. Лапина предлагает учитывать отношения в социально-классовой структуре российского общества, социальную стратификацию индивидов и групп. Например, по миру прокатилась волна практического отказа (ограничения) ряда гражданских прав в угоду борьбе с мировым терроризмом. Общество чаще готово жертвовать личной свободой в пользу общественной безопасности. Значит, сторонники принципов общественного договора (теории Гоббса, Руссо, Вольтера и др.) существуют в современном обществе – уже в пределах социальных сетей.

Среди особенностей политических нововведений, осваиваемых на мезоуровне, выступают возможности реализации частных интересов и запросов, адресное направление нововведений, актуальность проектов, находящихся, как говорится, «на слуху», определенность и обособленность проблем и ресурсов. Взаимодействующими сторонами используются традиционные средства и законодательная база, в большинстве регионов приведенная в соответствие с федеральным законодательством. В период 1990-х гг. оставалась проблема правового согласования политических нововведений на территории России. На сегодня многие вопросы нормативно-правового соответствия и регулирования до конца не решены, однако местная и федеральная власть сделала значительные шаги для согласования и унификации нормативно-правовой базы социально-политического взаимодействия на территории.

На мезоуровне препятствием освоения политических нововведений могут стать особенности развития этнополитических процессов на территории. Так, уже около десяти лет актуализируется вопрос политического участия выходцев из Китая, проживающих на территориях Иркутской, Читинской и Новосибирской областей. Вероятно, что целесообразность объединения Усть-Ордынского АО с основной территорией Иркутской области во многом представляет акт укрепления территориально-административной целостности. Существует точка зрения, в том числе ряда социологов, что территориально-административное деление России при спорных достоинствах способствует сквозной консолидации российского населения.

Характерными особенностями политических нововведений на мезоуровне можно назвать зависимость освоения нововведений от образовательного и профессионального уровней (вернее, от профессиональной стратификации), веса региона в сравнении с соседними территориями, демографического распределения человеческих ресурсов на карте региона, от тесноты межрегиональных связей, а также пропорций городского и сельского населения и, соответственно, от форм домохозяйства («красные пояса», шахтерские поселки, бизнес-инкубаторы и пр.). На перспективу необходимо учитывать показатели внутренней и внешней миграции и прироста населения (речь идет о тех людях, которым предстоит жить в предлагаемых условиях политических нововведений).

Локализованный уровень освоения политических нововведений, в отрыве от двух предыдущих уровней, является сложно предсказуемым. Человек, существующий в пространстве общественных отношений и прошедший определенный этапы социализации, способен / склонен соизмерять свои поступки и действия с общественным мнением, государственной политикой, идеологией, социальным уровнем жизни.

На локализованном уровне в освоении политических нововведений зримо проявляются личные мнения, предпочтения, свободы и ограничения, существующие в повседневной политической практике. Свои «счеты с политикой» сводят лица, ушедшие из сферы власти или отстраненные от нее. Субъективные ощущения, симпатии и антипатии, вербальная притягательность, коммуникативный шум и многое другое могут обозначиться на локальном уровне.

Кроме того, речь может идти и о сугубо частных, корпоративных интересах в политике или около политики, лоббировании интересов определенных профессиональных групп и предприятий, этнических (Чеченская Республика, Дагестан, Кабардино-Балкария) или языковых общностей (Литва, Эстония).

Таким образом, возможна локализация интересов субъектов, участвующих в освоении политических нововведении, по ряду признаков. К примеру, общность территорий; языки общения; профессии; социальные интересы; политические интересы; доход, материально-техническое состояние; территориальная стратификация и пр.